

**ГЛАГОЛ ЗНАТЬ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И. БРОДСКОГО:
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

*Работа представлена кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Л. В. Балашова

В статье совмещаются два направления исследования художественного текста: от материала, заданного в словарях (толково-тематический и объяснительный принцип), и от частных форм реализации возможностей языка в контексте. Уточняются способы взаимодействия отдельных значений глагола, выявляются индивидуально-авторские смыслы, которые получает данный семантический примитив.

The combination of the two relevant ways of mental activity verbs' analysis in a poetic text is discussed in the article. The first one is based on dictionary data; the second one is centred on occasional components of meanings in a context. The author specifies the ways of integration of a verb's particular meanings and shows individual senses acquired by a semantic primitive.

Когнитивная лингвистика внесла в область изучения познания свои коррективы и новшества, выдвинув на первый план проблему получения данных о толковании мира говорящим через язык. Воплощенный в поэтическом тексте вариант организации мира «центрируется» некоторым набором словесных знаков, составляющим в итоге одно из важнейших проявлений языковой личности. К важнейшим из таких знаков

относятся, как представляется, компоненты ratio (по крайней мере, номинально являющиеся таковыми), т. е. глаголы интеллектуальной деятельности. В многосложной художественной действительности поэтического произведения (впрочем, как и в языке) строгое разделение ratio и emotio, безусловно, невозможно, однако в данном случае первоначально необходимо для последующего эффективного описания указан-

ной взаимосвязи. На наш взгляд, анализ глаголов интеллектуальной деятельности способен внести продуктивный вклад в формирование новых комплексных методов исследования художественного текста, направленных на целостное осмысление поэтической картины мира.

Выделение ментальной лексики в самостоятельный объект исследования связано со стремлением лингвистов описать содержательную сторону языка путем разделения понятийной сферы на различные семантические поля и фрагменты. Рассмотрение лексической семантики практически всех групп глагола активно развивает представления о непрерывности языковой системы, хотя и не гарантирует построения единой универсальной классификации, существование которой едва ли возможно. Впрочем, создание такой классификации и не является для лингвистов самоцелью - в конечном счете через нечеткость, условность границ окружающего мира оно выдвигает ряд многоаспектных исследовательских проблем собственно лингвистического плана, одна из основных среди которых - проблема переходности и множественности семантических связей в языке, подразумевающая обращение к семантико-структурным особенностям лексико-семантических групп слов, к совокупности традиционно дискуссионных вопросов о содержательной стороне языкового знака: языковому и речевому значению, многозначности и регулярной многозначности.

Основной проблемой как для общетерминологических, так и для сугубо «операционально-технических» разысканий лингвистов в указанной области следует признать проблему максимальной дробности при условии сохранения единства слова. Особенно остро она встает, когда ученый предпринимает попытку системного семантического описания лексики (призванную отразить в том числе пересекаемость глагольных лексико-семантических групп), закономерно затрагивающую отношения регулярной многозначности (полисемии) и действия разнонаправленных тенденций в

языке. Как правило, регулярность в изменении структуры лексического значения описывается учеными применительно к двум видам взаимодействия лексики - в пределах одной или нескольких лексико-семантических группировок. Традиционно они определяются как лексико-семантические группы, у членов которых вероятность развития регулярной многозначности прямо пропорциональна количеству их семантических и ассоциативных признаков.

Один из основных аргументов в пользу обращения к авторскому толковому словарю под редакцией Л. Г. Бабенко таков: в нем при организации лексического материала последовательно учитывается принцип пересекаемости глагольных классов, что создает основания для того, чтобы детально проследить формы семантического взаимодействия и более четко представить спектр возможностей, заложенных в языке и реализуемых в художественном тексте.

Цели настоящей статьи состоят в следующем: продемонстрировать, как в поэтическом тексте проявляет себя многозначный глагол с полипропозитивной семантикой и как осуществляется сближение его лексико-семантических вариантов в пределах разных лексико-семантических групп; выявить случаи смещения и диффузноеTM значений в условиях контекста; установить наиболее активные компоненты значений; определить образно-ассоциативный потенциал исследуемых единиц. Объектом рассмотрения является глагол *знать*, относящийся к сфере внутренних процессов и состояний человека и, вместе с тем, являющийся семантическим примитивом. В качестве материала исследования выбраны поэтические тексты И. Бродского, «когнитивная насыщенность» которых неоднократно отмечалась в предыдущих работах автора статьи. Указанный словарь фиксирует для глагола *знать* четыре значения в группе Познания и одно значение в группе Понимания¹. *Знать1*, *знать2* и *знать4* обладают общим предсказуемым компонентом «сведения», отражающим основную идею ситуации знания. При этом *знать!* и

*знать*² связаны со знанием в какой-либо области (например, *знать время отправления поезда* и *знать современную поэзию* соответственно), в то время как *знать*⁴ отсылает через компоненты «понимать», «сознавать», «отдавать себе отчет в чем-либо» к идее жизненного опыта и его осмысления (например, *он хорошо знал, что такое солдатская доля*). Принципиальная общность *знать*² и *знать*⁴ обнаруживается между тем на уровне компонента «познавая что-либо», в то время как исходным компонентом значения *знать*¹ является «постигая что-либо». Возможно, что такое разграничение знания основывается на представлениях о самом характере человеческого опыта и его участия в формировании ситуации знания: первое и второе значения относятся к сфере «актуально-информационной»: в таких случаях человек или имеет возможность оперировать какой-либо конкретной информацией, или, сообразно с ней, действовать каким-либо образом. *Знать*⁴ передает несколько иной смысл, относящийся к сфере пережитого, испытанного, которая подразумевает достаточно высокую степень обобщения или, иными словами, аккумуляции информации большого объема (разумеется, во всех указанных случаях *знать* обязательно подразумевает возможность человека опираться на имеющиеся у него информацию и опыт). *Знать*³ несколько более автономно: это значение закреплено за сферой межличностных отношений. *Знать* из группы Понимания на уровне толкования чрезвычайно близко *знать*⁴, и существенное различие между ними выявить довольно трудно, хотя оно несомненно². Предположительно, что их дифференциация (или установление их диффузности) в контексте может быть проведена только за счет контекста же, ибо конкретным словоупотреблениям в поэтическом тексте практически не свойственно принимать значения, предписываемые словам словарем. Тем не менее считаем необходимым подчеркнуть, что пока поиск качественно иных «точек опоры» едва ли оправдан.

Вообще знание рассматривается учеными как «внутреннее состояние субъекта, не релятивизованное к истине»⁵. Это концептуальное положение, разумеется, не является в своей основе пояснением к какому-либо одному толкованию в отдельности, однако, как представляется, находит, вследствие снятия противопоставления «между ощущением истины и принятием в качестве истины»⁴ подтверждение в таком компоненте *знать*⁴, как «отдавать себе отчет в чем-либо» (курсив наш. - А. У.). Именно этот компонент и служит в конечном итоге наиболее активным манифестатором особенности ситуации знания в поэтических текстах И. Бродского. Обращает на себя внимание, как в соответствующих контекстах спаяны знание о своем внутреннем мире и понимание того, что, собственно, в нем происходит: *Какой печалью нужно обладать, / чтоб вместо парка, что за три квартала, / пейзаж неясный долго вспоминать, / но знать, что больше нет его; не стало*. Противительный союз *но* намечает границу между работой памяти, которая совершается словно бы независимо от субъекта, и знанием, чьим источником является непосредственное зрительное восприятие. У этого кажущегося несоответствия имеется, впрочем, совершенно определенная первопричина: *печаль*, породившая воспоминания о неясном, но, судя по всему, дорогом, значимом пейзаже. Воспоминания соседствуют со знанием о том, что пейзажа больше нет, однако и тут нельзя отдать безоговорочное предпочтение какому-либо единственному варианту: или пейзажа не стало вследствие внешних (природных, например) факторов, или он стерся (или был стерт?) из памяти.

Взаимосвязь *знать*⁴ и *знать* просматривается и на уровне контекстной оппозиции «мир внешний - мир внутренний», когда интерпретация субъектом своего внутреннего состояния неотделима от знания о нем (примечательно, что относительно «рациональные» смыслы *знать* участвуют в раскрытии темы умственного и душевного смятения): *Дай наполнен безумьем, чья нить*

/из того безопасного рода, /что позволит и печь затопить, / и постель застелить до прихода /нежеланных гостей, и на крюк /дверь закрыть, привалить к ней поленья, /хоть и зная: не ходит вокруг, /но давно уж внутри - исступленья. Еще один тип контекстов, где происходит совмещение значений глаголов из разных лексико-семантических групп, - это контексты, в которых речь идет не об обыденном знании, а о знании, опосредованном опытом и мудростью или такой формой соприкосновения с тонким, неэмпирическим миром, как сон. При этом первые актуализуют как в целом стандартное смещение значений от «понимать» в сторону «быть уверенным»⁵ (*Сын! Если я не мертв, то потому /что знаю, что в Аду тебя не встречу*), так и под влиянием ритмико-интонационного рисунка и словесного окружения имплицитное «быть вынужденным смириться», которое поддерживает тему фатальности, неизбежности и одновременно спокойного, бесстрастного приятия происходящего: *Естественно, что стремиться /к сходству с вещами не следует. С другой стороны, когда / вы больны, необязательно выздоравливать / и нервничать, как вы выглядите. Вот что знают / люди после пятидесяти.* Глаголом *знать* репрезентируется и осмысление сновидческой реальности, замещающей несбывшееся в реальности здешней: *Ты снилась мне беременной, и вот, /проживши столько лет с тобой в разлуке, /я чувствовал вину свою, и руки, /ощупывая с радостью живот, /на практике нашаривали брюки / и выключатель. И, бредя к окну, /я знал, что оставляя тебя одну /теш, в темноте, во сне, где терпеливо /ждала ты, и не ставила в вину, /когда я возвращался, перерыва /умышленно-го.* Номинально глагол принадлежит плану действительному, объективному, и тогда в *знать* по-прежнему объединяются выделенные ранее компоненты, причем семантический «перевес» находится, по-видимому, на стороне группы Понимания. Но *знал* здесь - не только понимание, сопряженное с чувством вины, но и чувство, интуитив-

но-эмоциональное впечатление как таковое. Итак, руководствуясь заранее заданными толкованиями, мы установили, что для ряда контекстов характерно совмещение значений *знать* и *знать*⁴. По крайней мере, именно оно наиболее адекватно отражает суть рассматриваемого явления. И хотя каждый из контекстов индивидуален, имеет место значимая семантическая тенденция, при которой *знать* устанавливает особые отношения между внутренним и внешним миром, и компонент, если можно так выразиться, «ментального упорядочивания» («отдавать себе отчет») трансформируется при следующих вариантах смещения значений: «помнить» - «понимать» - «быть уверенным» - «быть вынужденным смириться» - «чувствовать».

Другая группа контекстов, в которой *знать* может быть явно подведено более чем под одно значение, - это группа *знать* 1 и *знать*⁴. Как уже отмечалось, первое значение связано с неким информационным источником, и по этой причине у него (значения) больше предпосылок для объединения со *знать*². Однако контексты делают целесообразной их нераздельную трактовку, поскольку глубинная общность этой нераздельности непротиворечиво базируется на некоторых характерных чертах семантики ближайшего словесного окружения глагола. Так, принимая во внимание множественные идиостилевые смыслы номината образа-концепта *зима* (*зима* как время года с его традиционными природными особенностями и *зима* как имя с экзистенциальными коннотациями), следует предположить их влияние и на диффузность значений: *Откуда нам пришла зима, / не знаешь ты, никто не знает. / Умолкло все. Она сама / холодных губ не разжимает.* С одной стороны, знания о смене времен года могут носить чисто научный характер, с другой - приход зимы в поэтическом мире Бродского - это приход поры раздумий, одиночества, творчества, тишины. Естественно, что жить в эту пору и пережить эту пору - значит приобрести бесценный

опыт глубокого осознания и самоосознания (ср. значение *знать*⁴).

Примечательный пример касается локализации знания. Обычно оно содержится в *уме, голове*, однако для стареющих, но стоически принимающих необратимый ход времени людей знание о приближающейся смерти - больше чем просто информация. Это нечто, что из несовершенного ментального плана (откуда знание в силу разных причин и обстоятельств может уйти) перешло в план бытийственный, сокровенный и естественно составляет одну из основ жизни: *Другие, кому уже /выпало что-то любить больше, чем жизнь, в душе /зная, что старость - это и есть вторая /жизнь, белеют на солнце, как мрамор, не загорая*. Известно, что *в душе*, особенно *в глубине* ее, обычно верят, надеются и понимают, в связи с чем уместно предположить, что данный контекст объединяет и эти смыслы. Семантика *знать* получает и другое направление развития: в сторону «думать», «предполагать», «подозревать», «догадываться», что наглядно демонстрирует тесноту смысловых связей между многими ментальными глаголами: *Мы жпчи в городе цвета окаменевшей водки. / Электричество поступало издалека, с болот, /*

и квартира казалась по вечерам / перепачканной торфом и искусанной комарами. / Одежда была неуклюжей, что выдавало / близость Арктики. В том конце коридора/ дребезжал телефон, с трудом оживая после /недавно кончившейся войны. / Три рубля украшали летчики и шахтеры. /Я не знал, что когда-нибудь этого больше уже не будет. Незнание в этом примере - форма незащищенности перед жизнью и временем, запоздалая констатация того, что свершилось независимо от воли человека и истинность чего не зависит ни от знания, ни от незнания.

Итак, в поэтическом тексте лексико-семантические варианты многозначного глагола выходят на особый уровень дополнительности смыслов: уровень принципиальной диффузности. Активность и взаимодействие, а также развитие новых и актуализация имплицитных семантических компонентов выявляются с опорой на словари (чей список в перспективе должен быть максимально расширен) и контекст. Полученные данные не только уточняют общеязыковой потенциал, но и создают предпосылки для установления основных идиостилевых тенденций в сфере семантики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. С. 312, 318-319.

² Арутюнова Н. Д. Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского) // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 22-41.

³ Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 481.

⁴ Там же. С. 487.

⁵ Апресян Ю. Д. Знаты1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. Т. 1. С. 129-137.